

УДК 130.2

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
12/2013

Культурфилософская концепция евразийства в контексте современности: Н. С. Трубецкой. Часть 2*

The cultural and philosophical concept of an evraziystvo in a present context: N. S. Trubetskoy. Part 2

© Круглова Лариса Константиновна
Kruglova L. K.

ФГБОУ ВПО «Государственный университет морского и речного флота им. адмирала
С. О. Макарова».

Россия, 198035, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7.

E-mail: lkkruglova@gmail.com

Статья поступила 13.01.2013 г.

В статье анализируются основные положения культурфилософской концепции одного из основателей евразийского движения — Н. С. Трубецкого: определение культуры и культурной ценности, проблема культурного взаимодействия и взаимовлияния. Делается вывод, что наиболее сильными моментами концепции Н. С. Трубецкого являются идеи о культурно-историческом единстве евразийских народов, о губительности для России односторонней ориентации на Запад. Вместе с тем отмечается, что ряд идей Н. С. Трубецкого уязвим для критики, среди них отрицание общечеловеческой культуры.

Ключевые слова: культура, культурная ценность, евразийство, евразийская культура, общечеловеческая культура, европеизация.

Analysed in the report are fundamentals of the Eurasianist cultural and philosophical concept, including definition of culture and cultural value, the problem cultural interaction and mutual influence, as set by N. S. Trubetskoy, a founder of the Russian Eurasianism. It is concluded that the strongest points of Trubetskoy's concept are his ideas of a cultural and historical unity of Eurasian nations and a pernicious influence of lopsided West-oriented attitudes for Russia. It is pointed out, however, that some of Trubetskoy's ideas, such as denial of universal cultural values, are open to criticism.

Key words: culture, cultural value, Eurasianism, Eurasian culture, nationalism, patriotism, universal culture, Europisation.

Целый комплекс культурфилософских идей нашел свое отражение в концепции истинного и ложного национализма, занимающей видное место в творчестве Н. С. Трубецкого. Он различал три вида ложного национализма. Особое внимание Трубецкой уделит первому из них, поскольку, на его взгляд, он чаще всего встречается. Для националистов этого рода на самом деле «...неважна самобытность национальной культуры. Они стремятся к тому, чтобы их народ, во что бы то ни стало, получил государственную самостоятельность, чтобы

* Окончание. Начало см.: Вопросы культурологии. 2013. № 11.

был признан "большими" народами, "великими" державами, как полноправный член "семьи государственных народов" и в своем быте во всем походил именно на эти "большие народы". В таком национализме самопознание никакой роли не играет, ибо его сторонники вовсе не желают быть "самими собой", а, наоборот, хотят именно быть "как другие", "как господа" не будучи по существу "ни большими, ни господами» [11. С. 42].

В этом язвительном описании одного из вариантов ложного национализма нетрудно увидеть реалии, характерные для современной социокультурной ситуации, сложившейся во многих странах, недавно получивших государственную самостоятельность.

Второй вид национализма, по Н.С. Трубецкому, — это воинствующий шовинизм, т. е. провозглашение превосходства своей культуры над культурами других народов и стремление насильственно распространить ее «...на возможно большее число "иноплеменников", искоренив в этих последних всякую национальную самобытность» [11. С. 43].

Наконец, третий вид ложного национализма по Трубецкому — это культурный консерватизм. Он «...искусственно отождествляет национальную самобытность с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями... и не допускает изменения их даже тогда, когда они перестали воплощать в себе национальную психику» [11. С. 44].

В противовес всем видам ложного национализма «истинным, морально и логически оправданным», согласно Н.С. Трубецкому, «может быть признан только такой национализм, который исходит из самобытности национальной культуры...» [11. С. 42].

Прежде чем оценить эту концепцию по существу, есть смысл высказаться по поводу самого термина «национализм». Поскольку исторически он очень прочно связан с ассоциациями негативного ряда — видимо, будет правильным все варианты ложного национализма называть просто национализмом, имея в виду, что национализм — это всегда плохо. А для того, что Н.С. Трубецкой называет «истинным национализмом», есть другое слово. Это — патриотизм. Однако за ним стоит и другое понятие.

Что касается Н.С. Трубецкого, то он, видимо, был склонен отождествлять понятия «истинный национализм» и «патриотизм», о чем свидетельствуют его слова о том, что «нации малопатриотические, с неразвитым чувством национальной гордости, всегда пасуют перед народами, обладающими сильным патриотизмом или национальным самомнением» [9. С. 95].

Это высказывание интересно еще и тем, что в нем отчетливо выявляется социально-практическое значение теоретической разработки проблемы национализма и патриотизма. Оно заключается в том, что национализм и патриотизм являются мощным источником социальной энергетики, т. е. того феномена, который у Л.Н. Гумилёва получил название «пассионарность». Среди возбудителей социальной энергии широко известны разные по происхождению и направленности феномены. И именно в этом ряду одно из первых мест, если не первое, занимают национализм и патриотизм.

Новые повороты в обсуждении ранее поставленных вопросов открываются в связи с концепцией «общеевразийского национализма». Ее Н.С. Трубецкой сформулировал в 1927 г. в статье с одноименным названием применительно к реалиям тогдашнего СССР. В ней, как и в других случаях, идеи, очень ценные с точки зрения современности, соседствуют с другими, весьма уязвимыми для критики.

Обоснование идеи «общеевразийского национализма» Н.С. Трубецкой начинает с критики «крайнего русского национализма». Он отмечает, что «чрезмерное повышение русского национального самолюбия способно восстановить против русского народа все прочие народы в государстве. Крайний националист, желающий во что бы то ни стало, чтобы русский народ был

единственным хозяином у себя в государстве... при современных условиях должен примириться с тем, чтобы границы этой "России" совпали с границами сплошного великорусского населения в пределах доуральской России: только в таких суженных географических пределах эта радикально-националистическая мечта и осуществима. Таким образом, в настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником» [10. С. 91–92]. Эту оценку можно полностью перенести на современных русских националистов, провозглашающих лозунг «Россия для русских» и ему подобные.

В противовес русскому национализму и национализму любого другого этноса Н. С. Трубецкой выдвигает тезис, согласно которому «...национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация... Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразия, ее национализм — евразийством» [10. С. 95]. В пользу единства евразийских народов Н. С. Трубецкой приводит очень сильные аргументы. На его взгляд, «в евразийском... братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям» [10. С. 97].

Первая оговорка, связанная с необходимостью осмысления проблем, поставленных Н. С. Трубецким, заключается в неприемлемости в данном случае термина «национализм». Поскольку то явление, которое Н. С. Трубецкой называет «общеевразийским национализмом», по всем признакам относится к разряду «истинного национализма», по основаниям, изложенным ранее, более правомерно назвать его «общеевразийским патриотизмом».

Вторая оговорка заключается в том, что вопрос о возможности и необходимости «общеевразийского патриотизма» в современных условиях решается в иных исторических условиях, нежели те, которые имели место в 20-х гг. XX в., когда сформировалась евразийская концепция. Однако при этом значение ряда существенных обстоятельств не только сохранилось, но и усилилось. Так, перестал существовать СССР, но существует Россия — многонародное государство, для которого проблемы межнациональных отношений имеют жизненно важное значение. Самое же главное заключается в том, что идея единства евразийских народов приобрела новое звучание. Теперь речь идет уже не только о единстве народов России, но и о единстве народов России и народов ряда независимых государств, бывших ранее республиками СССР.

Кроме того, нельзя не сказать, что решение вопроса о возможности и необходимости евразийского патриотизма в современных условиях определяется двумя разнонаправленными векторами — глобализацией, стирающей культурные различия, и мультикультурализмом, являющимся основой сохранения разнообразия культур.

При этом надо отдавать себе отчет в том, что идущая сейчас глобализация — это двуликий Янус. Одно ее лицо — реальное объединение человечества; другое — корыстные интересы транснациональных корпораций, которые готовы весь мир превратить в единое конвейерное производство прибыли, где нет места разнообразию, а есть четкое разделение труда.

Противостоящее такой глобализации движение антиглобалистов — тоже двуликий Янус. Одно его лицо — отстаивание права на разнообразие, другое — противостояние объективно необходимому процессу объединения человечества.

Противоречивый характер антиглобализма нашел отражение в мультикультурализме. В настоящее время он определяется как понятие, обозначающее факт культурного многообразия той или иной страны, как практика социальной и политической организации общества в условиях культурного многообразия и как идеология, направленная на поощрение культурного многообразия.

Однако на практике мультикультурализм обернулся многими негативными явлениями. Среди них этническая фрагментация общества, сознательный отказ от малейших проявлений ассимиляции с основной господствующей культурой и, как результат — нарастание напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях. В связи с этим становится ясным, что концепция мультикультурализма нуждается в дополнении ее другими идеями и концепциями.

Представляется, что роль таких концептуальных дополнений могли бы сыграть, во-первых, теоретический конструкт «бинарные и полиарные модели» культуры и, во-вторых, идея патриотизма [6, 7, 8].

Под бинарными и полиарными моделями развития культур в данном случае имеется в виду их двухосновность или многоосновность в этническом смысле, т. е. включение в культуру одного этноса достаточно весомой доли культуры другого этноса или других этносов.

В пользу бинарной модели развития культуры в первую очередь можно привести аргументы «от личности». Как известно, чувство общности со своим этносом — одна из наиболее сильных человеческих эмоций. Связано это с обстоятельствами именно культурного происхождения: с молоком матери человек впитывает в себя родной язык, родные напевы, наблюдает манеру говорить и действовать. В результате этого этническая культура живет у человека не только в его сознании, но и в подсознании, и тот, кто старается выкорчевать ее оттуда, лишает человека основы его жизнедеятельности.

Однако именно в логике аргумента «от личности» правомерным будет и утверждение о необходимости выхода представителей малых народов на просторы мировой культуры, что возможно только через культуру крупных этносов. Это многократно усиливает чувство укорененности личности в этом мире за счет принадлежности не только к своему этносу, но и к крупному этносу, ко всему человечеству.

Бинарность развития культуры характерна и для крупных этносов. Более того, можно утверждать, что бинарность — необходимое условие развития любой этнической культуры. При этом самые развитые культуры не ограничиваются бинарностью и смело используют принцип полифонии, или полиарности, сохраняя при этом свою идентичность. Примером может служить Япония. В результате «прививки» западной культуры она получила мощный импульс развития. Но другая и необходимая сторона успешности этого развития — сохранение традиционной этнической культуры. Видимо, есть основания полагать, что крупные этносы как раз и образовались из тех малочисленных этносов, которые оказались достаточно открытыми влиянию других этнических культур, и что бинарность и, тем более, полиарность этнической культуры — залог ее жизнеспособности.

Однако воплощение в жизнь идеи бинарных и полиарных моделей культуры все-таки не в полной мере гарантирует нейтрализацию негативных последствий мультикультурализма, важнейшим из которых является раскол единого культурного пространства.

Роль конструктивного каркаса, препятствующего дроблению социокультурного пространства, может сыграть, как представляется, патриотизм как элемент личной культуры человека, как одна из основ государственной политики. Патриотизм определяется как любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу. Первое, что требует уточнения в этом определении, — направленность

патриотизма. Любить можно малую родину, историческую родину, большую родину, т. е. страну, гражданином которой является тот или иной человек. Конечно, и то, и другое, и третье — патриотизм. Однако надо отдавать себе отчет в том, что патриотизм — прежде всего — гражданское чувство, т. е. патриотизм — это прежде всего любовь и преданность стране, гражданином которой является человек.

Другое уточнение связано с определением самого субстрата, т. е. «вещественного состава» того феномена, который обозначается понятием «патриотизм». Один из его компонентов, как уже говорилось выше, — чувство любви к родине, отечеству. Но вряд ли этим можно ограничиться. Человек — существо деятельное, и потому все его эмоциональные и интеллектуальные свойства приобретают культурный смысл в той мере, в какой они воплощаются в его деятельности. В соответствии с этим патриотом можно считать того человека, который не только испытывает чувство любви к своей родине, но своей деятельностью способствует ее процветанию.

Так понимаемый патриотизм, встроенный в структуру бинарных и полярных моделей культуры, способствует укреплению дружбы между народами любой многонациональной и многоконфессиональной страны.

Кроме того, истинный патриотизм не только не разъединяет, но, наоборот, объединяет народы разных стран. Этому соответствуют обе стороны патриотизма. Патриотизм как чувство помогает человеку, любящему свою родину, понять другого человека, испытывающего такие же чувства по отношению к своей стране, а патриотизм как деятельность направленная на благо страны, способствует увеличению того вклада, который вносит та или иная страна в мировую культуру, в развитие всего человечества, и тем самым поддерживает позитивные и противостоит негативным тенденциям процесса глобализации.

Возвращаясь к проблеме «общеевразийского патриотизма», с учетом сформулированных выше концептуальных положений, можно утверждать, что он не только возможен, но и необходим как духовная основа единства евразийских народов. При этом он не только не противоречит российскому патриотизму и патриотизму граждан других евразийских государств, но и способствует их укреплению, а все они вместе и по отдельности не противоречат ни идее общечеловеческой культуры, ни привязанности и любви представителя любого этноса к своей этнической культуре.

Надо отметить, что проблема патриотизма привлекает внимание и идеологов Евросоюза. Как подчеркивает А. Г. Васильев, ссылаясь при этом на западных авторов, «...Европейский союз как понятие не вызывает положительных эмоций у европейцев. По опросам, это понятие ассоциируется не с общими ценностями "духовного ядра" (Поль Валери), общим наследием и памятью, а с такими словами, как "непонимание", "невозможность" и "сложность". Отсутствие европейской системы образования приводит к тому, что национальные школы продолжают производить патриотов своих наций, а не патриотов Европы» (Э. Смит). Общих "мест памяти" много, но они зачастую конфликтны. Это очень сложный и кропотливый процесс двухсторонней и многосторонней работы с травматическими воспоминаниями, как это происходит между Польшей и Германией, Германией и Францией» [1. С. 165].

Внимание к проблеме патриотизма можно объяснить тем, что он является мощным средством конструирования европейской, а в нашем случае евразийской, идентичности, что дает основание рассматривать его в качестве одного из важнейших энергетических ресурсов интеграционных процессов.

Одной из особенностей евразийской концепции, о которой нельзя не упомянуть в связи с ренессансом евразийства, наблюдающимся в настоящее время, является весьма заметное преувеличение значения азиатского компонента в евразийской культуре. Если называть вещи своими именами, то следует

отметить, что в евразийстве сделан упор на «азийстве» и явно ослаблен первый элемент этой формулы, связанный с Европой. В результате, как представляется, идея евразийского единства терпит определенный урон.

Особенно яркое и крайне острое выражение обсуждаемая проблема нашла в работе Н. С. Трубецкого «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока». В письме к П. П. Сувчинскому сам Н. С. Трубецкой писал об этой работе: «Обращение с историей в ней намеренно бесцеремонное и тенденциозное, так что для серьезной исторической критики она представляет весьма удобное поле и может послужить весьма уязвимым местом» [9. С. 772]. В связи с такой оценкой работы самим автором можно было бы оставить ее без внимания, однако идеи, высказанные в ней Н. С. Трубецким, с энтузиазмом поддерживаются некоторыми современными евразийцами, в связи с чем необходимо вдумчиво анализировать их и отделять «семена от плевел».

В концентрированной форме идея «наследия Чингисхана» выражена в следующих словах Н. С. Трубецкого: «...путь к подлинно своему, к обретению настоящего лица для России-Евразии предначертан ее прошлым. И, тем не менее, это не есть путь назад, а путь вперед, к подлинно новому, небывалому... Подлинное творческое созидание еще впереди. И станет оно возможным лишь тогда, когда окончательно будут изжиты увлечения европейской цивилизацией и придуманными в Европе идеологиями, когда Россия перестанет быть кривым зеркалом европейской цивилизации, а обретет свое собственное историческое лицо и вновь станет сама собой Россией-Евразией, сознательной носительницей и преемницей великого наследия Чингисхана» [9. С. 266].

В первую очередь в наследии Чингисхана Н. С. Трубецкого, как и всех евразийцев, привлекала идея централизованного государства с четко налаженной связью между различными частями империи на основе общегосударственной ямской повинности.

Действительно, идея централизованного государства была чужда Западной Европе времен Чингисхана. Однако различные формы воплощения идеи централизованного государства были известны до Чингисхана — это и Римская империя, и Византия, наследие которой — православие — стало духовной основой возрождения русской государственности.

Что касается духовных основ империи Чингисхана, то среди них Н. С. Трубецкой называет в качестве одного из самых приметных признаков «отвращение к упорному физическому труду» [9. С. 219–220]. К сожалению, эта особенность унаследована российской культурой, и необходимо говорить не об укоренении культурной традиции, а об ее искоренении. Кроме того, сам Н. С. Трубецкой признает, что «одним из наиболее важных несовершенств "системы Чингисхана" оказалась форма связи государственности с религией. С одной стороны, религия поставлялась как одна из главных основ государственности, с другой, не устанавливалось никакой логической связи между догматами той или иной религии и государственным строем. Власть Чингисхана как избранника и ставленника бога Неба (Тенгри) оказывалась мистически обоснованной только с точки зрения шаманизма, т. е. религии догматически наиболее бесформенной, не претендующей на широкое распространение, лишенной наступательной силы и потому не выдерживающей конкуренции с другими религиями, господствующими в Азии и Евразии» [9. С. 231–232].

Реальные исторические пути становления (а точнее сказать — возрождения) русской государственности Н. С. Трубецкой прослеживает с достаточной долей объективности. Он констатирует, что татаро-монгольская государственная идея была неприемлема, поскольку она была чужой и враждебной. «Но это была великая идея... следовательно, надо было отделить ее от монгольства, связать ее с Православием и объявить ее своей, русской. Выполняя это задание, русская национальная мысль обратилась к византийским государственным идеям и традициям и в них нашла материал, пригодный для оправославления

и обрусения государственности монгольской. Этим задача была решена». [9. С. 226–227].

Представляется, что этими словами Н. С. Трубецкого проблема критики евразийской идеи «наследия Чингисхана» вполне исчерпывается, поскольку в них содержатся веские аргументы, направленные против наиболее существенной части ее содержания.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что наиболее сильными моментами культурфилософской концепции Н. С. Трубецкого, как и всего евразийства, являются идеи о культурно-историческом единстве евразийских народов, о губительности для России односторонней ориентации на Запад и о необходимости союза с азийско-азиатскими народами. Вместе с тем нельзя не отметить, что эти идеи, обуславливающие актуальность и практическую значимость евразийства для настоящего времени, зачастую выступают в союзе с другими идеями, весьма уязвимыми для критики. Среди них — отрицание общечеловеческой культуры, односторонняя критика европейской культуры, преувеличение значения азийского элемента в евразийской культуре. Представляется, однако, что дискуссии по поводу некоторых положений концепции Н. С. Трубецкого и евразийства как такового не дискредитируют их основных идей, поскольку, освобождаясь от сомнительного контекста, они становятся более убедительными и пригодными для практического применения.

Анализ концепции Н. С. Трубецкого поучителен еще и в том отношении, что он отчетливо выявляет практическую значимость теоретического осмысления проблемы культуры на современном этапе.

Список литературы

1. *Васильев А. Г.* Евразийская идентичность и политика памяти // *Наследие Л. Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы.* — Сборник статей Международного научного конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилёва. Санкт-Петербург, 1–3 октября 2012 г. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012.
2. *Гумилёв Л. Н.* Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык. — М., 1995.
3. *Круглова Л. К.* Теория культуры. Часть 1. Введение в теорию культуры. — СПб., 2009.
4. *Круглова Л. К.* Теория культуры. Часть 2. Функции и структура культуры. — СПб., 2009.
5. *Круглова Л. К.* Теория культуры. Часть 2. Цивилизация. Культура. Гуманизм. — СПб., 2009.
6. *Круглова Л. К.* Мультикультурализм, патриотизм, бинарные и полиарные модели культуры как ориентиры культурной идентификации молодежи в условиях глобализации // *Культурная идентификация молодежи в условиях глобализации. Материалы международной конференции.* — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010.
7. *Круглова Л. К.* Патриотизм как необходимое условие глобализации с человеческим лицом // *Глобализация и патриотизм. Материалы международной научно-практической конференции.* — СПб.: СПбГУВК, 2010.
8. *Круглова Л. К.* Патриотизм как универсальная ценность глобальной культуры // *Гуманитарные практики в современном социуме: модернизация и глобализация. Сб. научных трудов.* — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011.
9. *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. — М., 1995.
10. *Трубецкой Н. С.* Общевразийский национализм // *Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн.* — М.: Наука, 1993.
11. *Трубецкой Н. С.* Об истинном и ложном национализме // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн.* — М.: Наука, 1993.